

ФАКТОР СТРАХА: ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ «УЖАСНОГО» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Статья посвящена анализу одного из приемов эмоционального речевого воздействия, применяемых современными публицистами, – метафоризации слова «удавка» в текстах «Новой газеты» и газеты «Завтра» 2015 г. Автор показывает, что при сохранении ассоциативного поля, сформированного прямым значением слова, метафорический образ удавки способен привести читателя в состояние страха, отвращения, гнева и создать благоприятный эмоциональный фон для пропагандистского воздействия.

Ключевые слова: публицистический текст, медиатекст, речевое воздействие, пропаганда, эмоция, метафора, «Новая газета», газета «Завтра».

Погруженность современной аудитории в мульти-медиа-среду, нарастание количества медиатекстов, их активная визуализация и аудиализация – факторы, с одной стороны, усиливающие влияние СМИ на адресата, с другой – снижающие эффективность собственно речевых приемов воздействия. Чтобы вызвать сильную эмоциональную реакцию у сегодняшнего читателя, журналист, работающий со словом, должен брать на вооружение психологические техники, характерные не только для словесных, но и для других искусств, в частности – массового кинематографа.

К числу классических приемов воздействия на сферу чувств относится создание ужасных – вызывающих страх и отвращение – образов, а также длительное нагнетание напряжения – саспенс.

© Басовская Е.Н., 2016

Автор благодарит участников конференции «Эффективность массовых коммуникаций: социальный и языковой аспекты» (18–19 февраля 2016 г.) и лично Е.Г. Борисову и П.Б. Паршина за точные вопросы и полезные рекомендации.

Переживания, испытываемые получателем такого продукта, предлагается вслед за Р.Р. Гарифуллиным называть «деструктивным наслаждением»¹.

Один из приемов речевого воздействия, активно применяемых публицистами, – метафора, связанная с темой мучительной насильственной смерти. Дополнительную экспрессию ей придаст сохранение яркой зрелищности, свойственной используемому слову в прямом значении. Таков рассматриваемый в статье образ *удавки*.

Согласно Большому академическому словарю, удавка представляет собой «петлю для удушения»². Данное толкование соответствует, как и должно быть в толковом словаре, наивной языковой картине мира и несколько сужает объем понятия *удавка*, соответствующего определенному типу узла³. Удавка как самозатягивающийся узел не обязательно предназначается для удушения: тем же словом называют, например, определенный вид поводка для собак⁴. Тем не менее в языковом сознании носителей русского языка устойчивы ассоциативные связи «удавка–казнь», «удавка–убийство» и «удавка–самоубийство», что подтверждается, в частности, данными Национального корпуса:

«...Это *удавка*, которой будут вешать невинных, или аркан, которым ухватят их и поведут на казнь» (Лидия Чуковская. Прочерк. 1980–1994);

«Парень с автоматом “узи” сбросил с себя окровавленное тело приятеля и попытался повернуться к Говоркову, но его шею обвила смертельная удавка Савелия» (Виктор Доценко. Тридцатого уничтожить! 2000);

«Такая смерть даже лучше, чем *удавка*, опасная бритва или полет с двенадцатого этажа» (Максим Милованов. Естественный отбор. 2000);

«Шеи их да будут преданы веревке (на землю упала *удавка*), а тело – хищным зверям и птицам» (Дмитрий Соколов-Митрич. Sieg Heil!: Фашисты снова под Москвой. 2002)⁵ (здесь и далее подчеркнуто мною. – *Евг. Б.*).

В процессе сбора материала для данной статьи был проведен опрос студентов (2-й курс факультета журналистики РГГУ, средний возраст – 18,5 лет). Из 30 человек, отвечавших на вопрос «Что такое удавка, с вашей точки зрения?» – 11 респондентов (37 %) уверенно связали предмет с убийством, 6 (20 %) – с самоубийством. Более половины опрошенных воспринимают удавку прежде всего как орудие казни, преступления или сведения счетов с жизнью.

В целом материалы Национального корпуса русского языка в совокупности с результатами опроса дают основание считать глав-

ными сферами-источниками метафоризации существительного *удавка* смерть и криминал. Последняя оценивается Э.В. Будаевым и А.П. Чудиновым как одна из ведущих в политическом дискурсе⁶.

Выразительность рядов и полей, скрепленных артефактной метафорой «удавка – средство истязания или уничтожения», обеспечивается стабильным негативным эмоциональным полем существительного, а также сохранением ассоциативных связей, предопределяемых его прямым значением. Употребление слова в переносном значении не исключает предметной детализации процесса удушения. Все это гарантирует генерацию у читателя сильных отрицательных эмоций.

В данной статье рассматривается метафоризация слова *удавка*, осуществленная в 2015 г. авторами публикаций в изданиях противоположной политической направленности – либеральной «Новой газеты» и прокоммунистической газеты «Завтра». Выбор источников обусловлен, во-первых, их активной гражданской позицией, которая стимулирует поиск средств речевой экспрессии, и, во-вторых, тем, что в этих изданиях работает немало ярких публицистов (в «Новой газете» – Д. Быков, Л. Гозман, Ю. Латынина, А. Найман, О. Романова, И. Петровская; в газете «Завтра» – А. Дугин, К. Душенов, М. Елизаров, Э. Лимонов, А. Проханов и другие), обладающих узнаваемым индивидуальным стилем и настроенных на актуализацию выразительных потенций слова.

Анализ текстов показал, что в течение 2015 г. в «Новой газете» количество вхождений слова *удавка* относительно невелико – 8 (газета выходит три раза в неделю). Чаще всего образ удавки встречается в текстах, посвященных экономической проблематике. Журналисты упоминают, в частности, *голодную удавку*, *финансовую удавку*, *удавку монополизма*. Важно отметить два общих свойства данного метафорического образа, характерных для либеральных публицистов. Во-первых, удавка в их материалах выступает как средство не убийства, а жесткого контроля. Во-вторых, в тексте обычно не называется «преступник», в чьих «руках» удавка находится. Характерны такие, например, фрагменты:

«*Удавкой* на шее сельхозпроизводителей авторы программы считают нехватку специалистов» (НГ. 16.01.2015);

«После бразильского мундиала финансовая *удавка* в связи с неисполнением контракта затягивалась все туже, Толстых осталось только отбиваться от нападков, которые становились все ожесточеннее» (НГ. 03.06.2015);

«Это исключительно важно для решения тяжелейшей задачи – выгащить нашу экономику из *удавки* монополизма и капкана сырьевой зависимости» (НГ. 15.07.2015);

«“Общая” прожила счастливо и недолго. Экономическая *удавка* оказалась крепче политической» (НГ. 18.09.2015);

«Но инициаторы блокады отнюдь не ставили главной задачей затянуть на шею крымчан голодную *удавку*. В требованиях, выдвинутых участниками Гражданской блокады Крыма к властям РФ, нет и намек на прагматизм» (НГ. 25.09.2015);

«К нам вернулось самоуважение, мы начали осознавать себя как народ, самостоятельно освободившийся от идейного маразма, психологии осажденной крепости и *удавки* милитаризма, накинута той на шею еле дышавшей экономики» (НГ. 9.11. 2015).

Отдельные публицисты «Новой газеты» идут по пути абстрагирующей метафоризации, явно пренебрегая возможностью актуализировать и использовать для повышения уровня экспрессии ассоциативные возможности прямого значения слова. Так, в интервью, взятом Е. Масюк у подвергавшегося уголовному преследованию общественного деятеля, профессора М.В. Савва, говорится: «Без спецпроверки ФСБ гражданин России не может даже получить загранпаспорт. Это универсальная *удавка* для всей страны, непрозрачная и очень опасная» (НГ. 18.03.2015). В словосочетании «непрозрачная *удавка*» и существительное, и прилагательное должны, несомненно, восприниматься исключительно как метафоры – в противном случае образ становится абсурдным. «Непрозрачный» здесь – не являющийся «прозрачным» в переносном значении – «явным, открытым, незамаскированным»⁷. Тем не менее неизбежное восприятие конструкции в соответствии с прямыми, физическими значениями слов создает образ «петли для удушения, изготовленной из не пропускающего свет материала», нелепый и потому порождающий нежелательный комический эффект.

В отличие от либеральных публицистов, для которых *удавка* – одна из возможных, далеко не самых значимых метафор, некоторые авторы издания «Завтра» придают данному образу исключительное значение. В течение 2015 г. слово употреблено в еженедельной газете несколько десятков раз: отмечено более 30 первичных вхождений и многократное автоцитирование. Рассматриваемая метафора встречается в журналистских материалах, в публикуемых газетой художественных текстах и в читательских комментариях.

Показательно, что на протяжении 2015 г. в газете печатался роман Т. Весниной «Цветы для убийцы», в котором слово *удавка* используется для обозначения потенциального орудия убийства:

«Ну, предположим, ей удалось увернуться от шелковой *удавки*, хотя практически – это невозможно! Саша-Громила – опытный боец. Но даже если... Как она смогла ударить его по голове, что он

упал замертво?!.. И в силах ли девица затащить в машину мертвое тело весом в сто килограммов?» (Завтра. 22.05.2015).

На фоне этого текста, насыщенного образами, связанными со смертью и криминальной средой, *удавка* как метафора получает дополнительные эмоциональные оттенки. Само упоминание этого предмета, пусть и в переносном значении, способно вызвать у читателя пугающие ассоциации и соответственно породить состояние страха.

Отличительные черты метафоры, используемой публицистами газеты «Завтра» – это, во-первых, сохранение связи с прямым значением, открывающее простор для предметной детализации, и, во-вторых, частая конкретизация субъекта – называние того, кто пользуется удавкой для причинения кому-либо страданий, контроля или даже убийства.

В «Завтра», как и в «Новой газете», преобладает образ *экономической удавки*, но в большей степени конкретизированный. Неоднократно встречается *золотая* или *санкционная удавка*, накинутая на шею России или Украины западными лидерами или находящимися у них в подчинении непатриотичными местными политиками:

«Элита двухглавой» позорно «выступила» на международном «турнире по дзюдо». Во «втором туре» партнерами-западницами против одной из голов был применен «удушающий прием с использованием “санкционной *удавки* (горготы)”» (Завтра. 22.03.2015);

«Полная зависимость от США. Бесконечные кредиты, которые текут в карманы правителей, лишь затягивая *удавку* на горле простых людей. Нищета, голод, безработица. Это неполный список всех “благ”, которыми потчуют народ» (Завтра. 02.09.2015).

Авторы текстов регулярно употребляют в ближайшем словесном окружении метафоры *удавка* существительные *шея* и *горло*, включают в метафорическую цепочку подробности (в том числе физиологические) из сферы-источника, такие как *тугая*, *затягивать*, *ослаблять*, *брыкаться*, *дергаться*. Иногда эмоция ужаса переводится в эмоцию гнева, которая обращается против «душителя» и поддерживается интегративным и фасцинативным «мы»⁸.

Так, публицисты газеты «Завтра», говоря от лица всего народа, призывают читателей осознать, что россияне губят себя, когда не оказывают сопротивления враждебным силам:

«Страх перед отключением от финансирования и изъятия лицензии заставляет всех быть соучастниками Плана Даллеса. Мы сами стягиваем *удавку* на своей шее» (Завтра. 06.04.2015);

«Конечно, подобное решение ЕС с радостью реализует, и при этом их “руки остаются чистыми”, ведь удавку на шею экономики России мы одеваем руками наших чиновников!» (Завтра. 20.07.2015).

Характерен в этом отношении отрывок из статьи М. Леонтьева:

«Принято решение нас душить. До смертельного исхода. Но душить медленно (это принципиально важно), чтобы мы по ходу не брыкались. Чтобы, когда мы сообразим, что это действительно смертный приговор, брыкаться было уже поздно. Поскольку ущерб от нашего брыкания даже в локальных формах представляется неприемлемым для организаторов удушения. В этом и суть войны нового поколения, направленной на удушение неконтактными средствами. С помощью инструментов, находящихся в распоряжении глобального регулятора.

Для этого удушение должно сопровождаться намеками на возможность ослабить удавку в случае правильного поведения и даже, возможно, периодическими, легкими ее ослаблениями, что должно подкреплять позиции пятой и еще более шестой (встроенной в действующую систему власти) колонны. Мол, смотрите, если не брыкаться, то ведь и подышать дают» (23.01.2016).

Используемые публицистом приемы вербального воздействия: употребление слов из тематических полей «смерть» и «война», многократные лексические повторы, речь от первого лица, подчеркивающая антиномию «мы–они», – формируют текст высокой степени агональности⁹.

Эмоциональная сфера человека едина: усиление одной эмоции может способствовать возникновению другой. Читатель статьи М. Леонтьева испытывает страх и отвращение, неизбежно порожаемые подробным описанием процесса удушения и слабых, бесполезных попыток жертвы к сопротивлению. При этом жертва позиционируется в тексте как «мы», что заставляет читателя идентифицировать себя именно с ней, проникаться эмпатией, переносить на себя состояние предсмертного ужаса. Отсюда – по крайней мере, у части аудитории – с неизбежностью следует новая эмоциональная волна, в которой преобладают возмущение, гнев, ярость, ненависть к мучителю.

Таким образом, пользуясь терминологией В.И. Шаховского, слово удавка в переносном значении можно рассматривать как коннотатив. У таких лексем коннотация «сопровождает метафорическое значение в виде эмотивной семы, соотносящейся с определенной эмоцией, которая вызывается у говорящего соответствующим объектом действительности»¹⁰. В данном случае надо говорить не об одной, а о нескольких взаимосвязанных эмоциях, в том числе страхе, отвращении и гнев.

Следует согласиться с тем, что «приметой нашего времени становится использование современными СМИ лексики, заряженной преимущественно отрицательными эмоциями, которые отражаются в семантике, коннотациях и ассоциациях используемых слов, коррелируют с определенной категориальной ситуацией российского социума»¹¹.

Проведенное исследование позволяет предположить (хотя исследованный материал пока недостаточно объемен для окончательных выводов), что публицисты ультрапатриотической и прокоммунистической прессы более склонны к применению речевых приемов эмоционального воздействия, чем авторы, публикующиеся в изданиях либеральной направленности. При метафоризации слова *удавка* журналистами «Новой газеты» образ имеет подчеркнуто условный характер. В газете «Завтра» метафора *удавки* активизирует весьма востребованный в воздействующем дискурсе фактор страха.

Современные периодические издания действуют в строгом соответствии с пропагандистскими принципами создания черно-белой картины мира и эмоционального нагнетания¹². Удавка в «их» руках как оружие преступления против «нас» – яркий эмоциональный образ, провоцирующий возмущение и агрессию, расцениваемую адресатом в качестве ответной. Еще сильнее способна повлиять на эмоциональную сферу читателя метафора удавки, накидываемой на шею народа чиновниками – предателями национальных интересов – и самим народом, своих интересов не сознающим.

С помощью подобных речевых ходов публицисты добиваются от читателя состояния крайнего раздражения, возмущения, даже ярости. Такой эмоциональный фон идеален для не критического восприятия и усвоения идеологических установок. По словам теоретика пропаганды Ж. Элюля, пропагандист «трансформирует идеи в лозунги и, давая индивиду “Слово”, убеждает его в том, что у него есть мнение»¹³.

Примечания

¹ Гарифуллин Р.Р. СМИ: психологические основы садо-мазохизма и деструктивной эстетики // Пси-фактор. [Электронный ресурс] URL: <http://psyfactor.org/lib/sado-masochism.htm> (дата обращения: 25.11.2015).

² Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Т. 16. М.; Л.: Наука, 1964. С. 281.

³ См., например: Скрыгин Л.Н. Морские узлы. М.: Транспорт, 1994.

- ⁴ См., например: Ваша собака: Энциклопедический справочник. М.: Русское энцикл. товарищество: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 182.
- ⁵ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F3%E4%E0%E2%EA%E0 (дата обращения: 24.03.2016).
- ⁶ *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. у-т, 2006. С. 120–121.
- ⁷ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. Авторская редакция 2014 г. [Электронный ресурс] URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B7%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9/> (дата обращения: 23.03.2016).
- ⁸ *Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю.* Имя собственное в политике: язык власти и власть языка. Тверь: Лилия ЛТД, 2000. С. 23.
- ⁹ Об агональности как «как одной из базовых характеристик политического дискурса, связанных с интенцией борьбы за власть», см.: *Шейгал Е.И., Дешевова В.В.* Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 36. Филология. Искусствоведение. 2009. № 34. С. 145–148.
- ¹⁰ *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. С. 81–82.
- ¹¹ Там же. С. 275.
- ¹² *Зелинский С.А.* Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание: средства массовой коммуникации, информации и пропаганды – как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. СПб.: Скифия, 2008. С. 23.
- ¹³ *Ellul J.* Propaganda: The Formation of Men's Attitudes. N.Y.: Knopf, 1966. P. 163.